

Рустем и Зораб: Хеджир и Гурдаферид

Category: Kitarcsy, Poemalar

написано kitarcsy | 25 января, 2025

Рустем и Зораб: Хеджир и Гурдаферид Книга третья. Хеджир и Гурдаферид

I.

На самом рубеже Ирана
Стояла крепость Белый Замок;
Она Иран хранила от набегов
Соседнего врага,
И ею два повелевали
Вождя: один из тех вождей
Был старый Гездехэм,
Правитель опытно-разумный,
Другой Хеджир, наездник молодой,
Рачитель дела боевого.
И с Гездехемом находилась в замке
Его младая дочь,
По имени Гурдаферид,
Что значит: витязь без порока;
И на такое имя
Она имела право:
Прекрасная, как девственная пери,
Она была сильна, как богатырь;
Хеджир напрасно
Ей рыцарством понравиться хотел –
Она ему ристаньем на коне,
И меткою стрельбой из лука,
И ловкостью владеть мечом
Была равна; а мужественным делом
Против врага пред нею отличиться
Не мог он – не было врага.

Но вдруг с высокой башни замка
Увидели на крае небосклона
Идущее в густой пыли, как в дыме
Великого пожара,
Туранское бесчисленное войско.
Затрепетал от радости Хеджир.
«Двойная будет мне победа, –
Подумал он: – одна – там, в поле, над врагом,
Другая – здесь, над девою надменной».
И он, надев свои доспехи,
Несется быстро на коне,
Любовию и мужеством стремимый,
На подходящие туранские дружины;
И вслед за ним с ограды замка
Завистливым стремится оком
Звезда красы Гурдаферид.

II.

И, быстро подскакав к туранским
Дружинам, грозно закричал
Хеджир им: «Кто вы? Кто из вас
Храбрейший? Пусть отведает со мною
Меча, копья иль булавы;
Он будет нынче же с высокой
Ограды замка моего
Своей отрубленную голову
На всех вас ужас наводить».
На этот вызов ни один из турков
Не отвечал: никто из них не смел
На рубеже Ирана первый
В сраженье выступить. Увидя,
Что все его сподвижники робеют,
Зораб, разгневанный, схватил
Свой меч и поскакал
Один за всех на смертный поединок.
Как тигр из камышей прибрежных,

Так из густой толпы своих он прынул
И закричал Хеджиру: «Выходи;
Твои слова хвастливые не страшны;
Не на лисиц ты выехал, на львов;
Знать хочешь: кто мы и зачем
Пришли в Иран? Узнай же: я Зораб,
Сын царской дочери Темины
И многославного Рустема;
Пришел в Иран знакомиться с отцом;
По славе дел Рустем узнает сына.
Теперь скажи мне, кто ты сам?
Но ведать наперед ты должен,
Что в замок свой уж ты не возвратишься:
Тебя оплачет скоро мать,
Или жена, или невеста».

III.

«Не хвастай, подождем конца, –
Хеджир ответственал Зорабу. –
Мое ты спрашиваешь имя? Я
Хеджир; повелеваю Белым Замок,
И мне товарищ мудрый Гездехем.
А ты смотри, там в высоте
Два черных ворона кружатся;
Они почуяли добычу,
И будет им добыча;
Тобой насытив жадный голод,
На север полетит один,
На полдень полетит другой,
На север к твоему отцу,
На полдень к матери твоей,
И им они за угощенье
Прокаркают свое спасибо;
Не догадается отец,
А мать начнет рыдать и плакать;
А обо мне моя невеста

Не будет ни рыдать, ни плакать;
На нас теперь с ограды замка
Она глядит; моя победа
Ей славой и утехой будет».
Так говоря, на Белый Замок
Хеджир Зорабу указал:
Звездою утренней прекрасной
Сияла там Гурдаферид;
Хеджир, обманутый любовью,
Подумал, что ему она
Издалека приветно улыбалась,
И он на миг забыл о поединке.
Зораб, красавицу, какой никто подобной
Не видывал, увидя, обомлел,
И вся душа в нем закипела;
И он подумал: «Если в Белом Замке
Сокровище такое бережется,
То взять его во что бы то ни стало;
А ты, жених, простись с своей невестой,
Ее теперь ты с жизнью мне уступишь».

IV.

Опомнясь, друг на друга очи
Соперники оборотили,
Схватились бешено за копья
И, расскакавшись, с быстротою
Двух страшных молний полетели
Один против другого. Острый
Конец копья Хеджир направил
На грудь Зораба, чтоб ее
Насквозь им проколоть;
Но острие переломилось,
Ударясь в твердую кольчугу;
Зораб не пошатнулся.
Тогда, свое копье
Тупым концом оборотив,

Его он, как рычаг,
Между конем и всадником просунул,
Им сильно двинул – и Хеджир,
Вдруг сорванный с седла, был взброшен
На воздух; грянулся на землю,
Как камень, и паденьем был
Так сильно оглушен,
Что на земле, как мертвый,
Лежал недвижимо, утратив
Из памяти и бой, и замок, и Зораба,
И самое Гурдаферид.
Зораб скочил с коня и обнажил
Свою кривую саблю,
Чтоб голову отсечь врагу;
Но тот, опомнясь, приподнялся
И, на´руку опершись слабо,
К сопернику другую протянул
И так сказал:
«Будь жалостлив, не убивай;
Уж я убит довольно
Стыдом, которым ты меня
Сразил перед стенами замка.
Как будет над моим паденьем
Надменная торжествовать!
Вот смерть моя; тебе не нужно
Своею саблей отсекаль
Мне голову – ты жизнь мою пресек:
Гурдаферид уж боле не моя;
Отныне ты мой повелитель».

V.

Умолкнув, ждал он жизни или смерти.
Но билось кроткое в груди Зораба сердце:
Молящего о милости врага
Он был не в силах умертвить;
И он подумал: «Этот пленник

Мне пленников других добыть поможет;
Он в замок мне отворит вход;
Укажет в поле мне Рустема».
И он, связав Хеджира,
Его с собой повел в туранский стан,
Куда в тот самый час вводил
Свои дружины Баруман,
Поспешно вышедший из Семенгама,
Чтоб, волю шаха исполняя,
Не выпускать из глаз Зораба.
И первой встречей Баруману
Был схваченный Хеджир; при виде
Огромности и крепости врага
Обрадован и изумлен
Был несказанно старый воин;
Но он глаза потупил в землю,
Почувствовав и стыд и угрызенье
При мысли, что назначен был
Прекрасной доблести такой
Предательством готовить гибель.
А между тем при громких кликах
Всего собравшегося войска,
Которое, увидя, как могуч
Был витязь побежденный,
С рукоплесканием встречало
Победоносца молодого,
Зораб задумчиво-безмолвный
На боевом своем коне,
Не слыша плесков, ехал шагом.
Он думал об отце Рустеме,
Он думал о чудесной деве,
Он думал сладостно о многом, многом,
Чего ему не назначало небо.

VI.

Турецкий стан был полон ликования,

А в Белом Замке вопли раздавались;
Одна Гурдаферид безмолвно
Стояла на стене высокой;
Она с прискорбием смотрела
На место, где иранский витязь
Был осрамлен копьем Турана.
«О стыд! – воскликнула она. –
Хеджир, ты мнил быть твердым мужем –
И первый встречный сбил тебя с седла;
Конечно, своего копья
Не отточил ты, своему
Коню подпруг не подтянул.
Могла довольно бы теперь
Я над тобою посмеяться;
Но вытерпеть я не могу,
Чтоб враг смеялся над тобою.
Не допущу хвалиться турку,
Что был им с одного удара
Наш первый витязь опрокинут.
За женщин он сочтет мужей Ирана –
Пускай же в женщине теперь узнает мужа.
Я видела отсюда,
Как улетел он с места боевого,
Победой светел, красотою
Светлее утренней звезды;
На замок он пленительным лицом
Оборотился; на меня
Орлиными глазами посмотрел...
Хочу я знать, таков ли он вблизи,
Каким вдали мне показался».
И со стены Гурдаферид
Сошла поспешным шагом
И выбрала в отцовой оружейной
Доспехи: локоны густые
Покрыла крепким шлемом,
Индийское забрало на лицо
Надвинула, свой стройный стан

Перетянула кушаком,
И, с головы до ног
Вооруженная, вскочила
На легкого коня,
И, не простясь с отцом,
Из замка в поле поскакала.

VII.

С копьем в руке наездница молодая,
Перед туранский стан примчавшись,
Воскликнула: «Пришельцы, кто вы?
Кто вождь ваш? Я хочу отмстить
За обесславленного друга;
Я в бой зову того, кто в плен увел Хеджира;
А если он робеет, пусть выходят
Другие за него. Туран, не думай,
Что, одолев случайно одного,
Уж всех он одолел в Иране.
Сюда, обидчик нашей чести!
Своею кровью обагрывать
Ты должен бледный стыд Хеджира;
Я жду тебя». Услышан был
В туранском стане вызов гордый,
И кинулись охотники толпою
К коням, но их Зораб предупредил;
Он, выскакав вперед, воскликнул:
«Не трогайся никто; я начал, я и кончу».
И быстро он вперед помчался
При кликах громозвучных стана.
На выстрел из лука приблизась
К противнику, Зораб остановился
И взор на крепость устремил:
Он уповал, что деву замка
Опять увидит на ограде;
Но он ошибся, на ограде
Ее уж не было – она

Стояла перед ним,
И он того не ведал.
Гурдаферид, его вблизи увидя,
Подумала: «Мой враг опасен:
Он сильного Хеджира одолел».
И на своем коне летучем
Она кружить проворно начала;
Соперника маня и раздражая,
Она пред ним, как ласточка, летала,
Была и там и тут, и всюду и нигде;
А той порою с тетивы
Ее тугого лука
Стрела слетала за стрелю,
И ими был весь твердый панцирь
Зорабов исцарапан,
И много их в щите его торчало.
С усмешкой он их стряхивал на землю;
Но, мнилось, был неистошим
Колчан наездницы; как частый дождик,
Ее лилися стрелы;
И наконец Зораб, терпенье потеряв,
Воскликнул: «Скоро ль детскую игрушку
Оставишь ты? Пора приняться нам
За мужеское дело.
Я вижу, что своим досугом
Умели вы воспользоваться, персы;
Остро свои вы стрелы наточили –
Но об туранский крепкий панцирь
Ломается их острие.
Оставь же, друг, напрасную заботу –
Из своего улья довольно
Ты пчелок выслал на меня,
Но меду здесь они не соберут;
Убить своей стрелой ты можешь
Лесную пташку, много цаплю;
Но грифа сильного тебе не застрелить;
Итак, уймись и, если ты

Не женщина, то подъезжай
И бейся мужески со мною».

VIII.

При этом вызове через плечо
Закинула свой лук Гурдаферид
И поскакала на Зораба
С направленным на грудь его копьем;
Не девичий удар почувствовал бы витязь,
Когда б с конем не отшатнулся, –
Копье пронзило воздух.
Тогда, свое копье оборотив,
Зораб его тупой конец
(К которому привинчен
Был крепкий крюк железный)
За пояс всадницы проворно запустил,
И вмиг, как легкий пух.
Она слетела бы с седла,
Когда бы выхватить свой меч
И им перерубить копье
Одним ударом не успела;
И снова на седло упала
Она так плотно, что с него
Взвилась густая пыль: тут поняла
Гурдаферид, что не по силе ей
Соперник, стиснула коленами коня
И поскакала к замку.
Зораб за ней; уж был он близко;
Уж слышала Гурдаферид
Вблизи коня железный топот,
Уж обдавало ей плеча
Его горячее дыханье;
Тут вдруг она оборотилась
И сбросила с прекрасной головы
Железный шлем в надежде победить вернее
Не силой мужеской меча,

А девственным волшебством красоты.
И на лицо ее волнами
Густые полилися кудри;
Зораб остолбенел, узнав в ней деву замка;
И он воскликнул: «Трудно ж будет нам
Одолевать мужей Ирана,
Когда иранские так мужественны девы.
Зачем, красавица, ты выехала в поле?
Со мною ль биться, за Хеджира ль
Мне отомстить хотела?
И что тебя, любовь иль жажда славы
Из замка выйти побудило?
Прекрасною звездой небес
Издалека ты мне явилась –
Теперь тебя увидел я вблизи
И знаю, что краса
Небесных звезд ничто перед твоею.
Но я тебя не выпущу из рук;
Ни одному ловцу еще такая
Добыча в сети не давалась;
Ты от меня не убежишь».
При этом слове бросил он
Аркан, и вмиг была Гурдаферид
Опутана могучей петлей.
Увидя, что к спасенью
Ей средства нет, красавица прибегла
К коварству женскому; чтоб самого
Пленителя пленить, она
Приподняла свои густые кудри
И месяц светлого лица
От черной их освободила тучи.
Оборотясь с улыбкой на Зораба,
Она сказала голосом волшебным:
«Ты, витязь смелый, столь же сильный
Между людьми, как лев между зверями,
Не жажда славы
И не любовь к Хеджиру (что Хеджир

Перед тобой!) меня из замка
К тебе навстречу привели.
Издалека тебя увидя
Столь мужески прекрасным,
Хотела я узнать, таков ли
Ты и вблизи – меня не обманули
Мои глаза; но в мысли не входило
Мне никогда, чтоб мог в Туране
Такой, как ты, родиться витязь.
Иди же смело на Иран,
Ты там пленишь
Не дев одних, но и мужей могучих;
А если сам, как я, того желаешь,
Чтоб был между тобой и мною
Союз любви, то наперед
Мне возврати мою свободу».

IX.

Так сладостным напитком льстивой речи
Коварная хотела упоить
Зораба. Он, почти уж охмеленный,
Спросил: «Но что же будет,
Красавица, порукой за тебя,
Когда тебе отдам твою свободу?» –
«Мое святое слово
И имя чистое мое:
Меня зовут Гурдаферид;
А мой родитель Гездехем
Повелевает Белым Замком;
Я обещаюсь, если сам
Того желаешь ты и если
Согласен будет Гездехем
(А он согласен будет верно),
Тебе отдать и замок и себя.
Ступай же на́ гору за мною;
Ключ от ворот я вынести не замедлю;

Но прежде требую свободы». И с этим словом на Зораба Она так нежно, сладко поглядела, Что в этом взгляде мигом на него С нее перелетела петля. Доверчиво он снял с нее аркан; Она ударила коня И поскакала к замку; За нею поскакал Зораб. Тем временем, встревоженный, печальный, Стоял в воротах Гездехем; Он в поле с ужасом смотрел И ждал, какой возьмет конец Безумно-бешеное дело Бесстрашной дочери его. Он, раздраженный, осыпал Ее упреками, но в сердце Ее отважностью гордился. Вдруг шум послышался – он смотрит И видит: скачет к воротам Гурдаферид, и вслед за нею, Отстав немного, скачет витязь, Хеджира в поле одолевший. Вмиг полворот он отворил; Она в них молнией вскользнула; Растворы схлопнулись – один Зораб остался перед замком В сиянье вечера багряном.

Х.

И ждал Зораб, что дева замка Свое святое сдержит слово – Напрасно! Вдруг она явилась на ограде И, наклонясь к нему, сказала так: «Чего ты ждешь, мой храбрый победитель? Уж поздно; возвратись в туранский стан;

Сегодня твой набег на Белый Замок
Не удался – будь терпелив,
Удастся завтра. Доброй ночи;
Прости». Зораб, прискорбно посмотрев
На деву, так ей отвечал:
«О ты, красавица Ирана,
Как жаль мне, что своим коварством
Свою ты прелесть превзошла;
Я не о том тжужу, что Белый Замок
И с ним прекрасную невесту,
В обман поддавшись, выпустил из рук;
Тжужу о том, что был тобой обманут.
А замок твой не выше неба;
Но будь и выше неба он –
Войду в него; на это
Ключ от ворот не нужен – завтра
И замок и тебя возьму я с бою». –
«Не горячись, мой светлый, храбрый витязь, –
Гурдаферид сказала усмехаясь, –
Тебе ключа я выдать не могла:
Его отец из рук не выпускает;
Когда же о твоём за тайну сватовстве
Ему я объявила,
Он отвечал: «Невесты нет в Иране
Для турка». Друг, исполни мой совет,
Не медли здесь и возвратись в Туран;
Прекраснейшей из всех невест прекрасных
Достоин ты... но возвратись;
Царь Кейкавус, услышав о твоём
Набеге, вышлет на тебя
Своих вождей – ты их не одолеешь;
А если вышлет он Рустема,
Тогда... тогда, мой витязь, честь Турана,
Твоя гибель неизбежна.
О, возвратися, возвратися
В твоей молодой, несокрушенной силе!
Ты здесь стоишь на рубеже судьбы;

Как будет жаль, когда твой цвет она
Безжалостно сорвет своею бурей!
Я буду горько, горько плакать;
Я ничего подобного тебе
И более по сердцу моему
На свете не видала
И ничего подобного тебе
На свете не увижу».

Гурдаферид, умолкнув, поглядела
Печальным оком на Зораба;
Потом сошла с ограды; а Зораб,
Оставшись один перед оградой,
Задумчиво глазами
За нею следовал; когда ж она
Из глаз его пропала,
Коня оборотил и в стан
Поехал медленно, с нахмуренным лицом,
Надвинув брови
На гневно-огненные очи.

XI.

Близ замка находились пашни,
Сады и огороды, хлебом,
Плодами, зеленью и овощами
Богатые: они питали замок.
На них Зораб свой гнев оборотил;
Подъехав к стану, он воскликнул:
«Сюда, мои туранцы: разорите
Здесь все, огню предайте нивы;
Сожгите все деревья;
С землей сравняйте огороды;
Весь истребите виноград;
Чтоб прахом все и дымом разлетелось;
Чтоб все затрепетали в замке!
С его ограды любит
Дочь Гездехемова смотреть – пускай же

Она порадуеться, видя,
Как мы в ее работаем саду;
Разройте гряды все, где розы
Ее цветут, и все засыпьте
Ключи, которые питают
Ее лугов густую зелень.
Когда ж наступит день,
И замок мы вверх дном поставим».
Так повелел он, и упало,
Как с неба град,
На всю окрестность
Его неистовое войско –
И стала вмиг пустынею окрестность.
Когда же все исчезло, он
Поехал в стан обратно;
За ним туда все войско возвратилось.

XII.

Тем временем, как в стане вражьем
Гроза собиралась, Гездехем,
Беду почуя, написал
Письмо такое Кейкавусу:
«Бесчисленной толпою
Нахлынули на нас
Соседственные турки.
Их войско нам не страшно;
Но страшен молодой
Их войска предводитель.
Он ростом великан;
Когда на боевом он
Коне, вооруженный
Железной булавою,
Сидит в железной силе,
Он все земные силы
Считает за ничто.
Противника ему

Не сыщется в Иране;
Один по силе будет
Ему Рустем; зовут
Его Зорабом; он
Родился в Семенгаме.
Хеджир, его увидя,
Из замка с ним сразиться
Пустился на коне;
Но в замок конь обратно
Хеджира не принес.
Когда бы не успел я
Моих ворот проворно
Захлопнуть перед ним,
Как вихорь бы влетел он
Один в мой крепкий замок.
Уж нашу всю окрестность
Огонь опустошил;
Хеджир в плену, и замку
Не устоять; и ныне,
Как скоро ночь наступит,
Со всей моей дружиной
Спасаюсь бегством я.
Тебя же, царь, молю:
Сбери скорее войско,
Чтоб царство защитить
Могучею плотинной
От злого наводнения.
Всего ж необходимей,
Чтоб в войске был Рустем:
Лишь сильному Рустему
Возможно пересилить
Такого великана».

XIII.

Письмо с нарочным Гездехем
Отправил в ту же ночь к царю;

Потом созвал свою дружину;
Свою казну, свои богатства собрал
И тайным подземельным ходом,
Который вел далеко в поле,
Из замка вышел.
Гурдаферид пошла за ним;
Но шла она, казалось, поневоле;
Была задумчива, как будто ей
Какой-то голос тайно
Шептал: не уходи;
Как будто с кем, ей милым,
Навек она прощалась.
И все ушли... и замок опустел.
В тумане занялося утро;
Зораб повел свои дружины к замку:
И на гору они взбежали с криком;
И кинулся как бешеный Зораб
К тяжелым воротам.
Он ждал отпора, но отпора
Не дождался – все было в замке,
Как в гробе, тихо; на стенах
Никто не шевелился. В нетерпенье
Зораб схватил огромный камень
И им ударил в ворота –
Они свободно растворились:
Ушедшие нарочно их
Оставили незапертыми.
Как молния Зораб их пролетел –
Их своды громко повторили
Его коня гремучий топот;
И все умолкло.
Сквозь сумрак утренний Зораб
Очами ищет
Людей – но все пред ним
И пусто и безмолвно;
В его груди предчувствием тяжелым
Стеснилось сердце;

И стены он немые вопрошал:
«Куда ушла моя невеста? Буря ль
Ее отсюда унесла?
Сама ль на крыльях улетела?
Иль призраком пропала, не оставив
Следа? О, где же ты?
На миг один была
Ты мне виденьем чудным...
И нет тебя;
И где найти тебя, не знаю».
И начал он прилежно замок
Обыскивать: как исступленный
Он бегал по стенам,
На башни лазил, проникал
В глубокие подвалы
И беспрестанно возвращался
На место, где она ему
Явилась накануне,
В надежде, что опять
Там с нею встретится; и с высоты
На беспредельную окрестность он смотрел
И звал свою невесту
Со всех концов пустого небосклона;
И посылал за нею ветер горный,
И птиц воздушных,
И облака лазоревого неба.
А между тем окрест него
Все падало, все разрушалось;
Как коршуны расклеывают труп,
Так ратники Зораба
Крушили замок;
Не находя нигде
Ожиданных сокровищ,
Они за то наказывали стены.
Что делалось, Зораб не замечал:
Его душа была далёко.

XIV.

И к витязю, невольнику любви,
С упреком строгим обратился
Суровый пестун Баруман:
«Для ярких глаз и для густых кудрей
Ты целый свет и долг свой забываешь.
Не таковы бывают те, которым
При них и долго после них
В награду дел великих
Отечество и все народы
Дань славы и любви приносят.
Самих себя они не отдают
Мгновению ничтожному на жертву;
Не отдают безумно и беспечно
Во власть любви они ума и сердца.
И им случается поймать
Своею сетью легкую газелу,
Но с нею в сеть самих себя
Не путают ребячески они;
Орел, влюбленный в солнце,
Как соловей, по розе не вздыхает.
Теперь твоя добыча трон Ирана;
Возьми его – тогда венец любви
Наградю получишь от победы.
Не обнажив меча, такую крепость
Ты захватил – но цель твоя еще далёко;
На нас свои все силы вышлет
Царь Кейкавус, тогда...
Но выслушай, Зораб, совет,
Внушенный опытностью трезвой:
Дождися здесь врагов; с твердынной
Вершины этой всем Ираном
Ты будешь властвовать; с нее
Губящие набеги можешь
Повсюду посылать и здесь
Могучее их войско встретишь,

Могучий сам, – не разорь же
Безумно замка; нет, его, напротив, в честь
Красавицы, в нем жившей, укрепи;
Но в честь ее и духом укрепися.
Когда тебе звездами
Назначено Иран завоевать –
С ним и она твоею будет.
Пускай перед тобой Ирана первый витязь
Слетит с коня – тогда ты смело можешь
Потребовать, чтоб выкупом свободы
Его была Гурдаферид».
От этих слов Зораб очнулся;
Они, как солнца луч, пронзили
Туман его души;
И он воскликнул: «Так!
Передо мной Ирана первый витязь
Слетит с коня, и за его свободу
Заплатит мне Гурдаферид».
Тут на грабителей он крикнул;
И во мгновение грозным криком
Был усмирен неистовый грабеж;
И стал, как гроб, спокоен Белый Замок. Poemalar